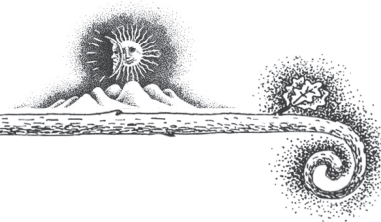

КАЗАЧЬИ СКАЗКИ

Стой за правду горю, тогда и люди за тобою.

Казак и солнце

лучилось как-то в Кубанской области, что стояла большая жара. Солнце пекло так, что не было от него бедным станичникам спасу.

Одному казаку очень не нравилось, что солнце все печет да печет, тогда как другие казаки относились к этой жаре как к неотъемлемой части непредсказуемой кубанской природы.

Однажды казак так разозлился, что не было у него никакого терпения. Вот зарядил он свое ружье, залез на крышу своего дома, прицелился прямо в солнце и выстрелил.

Пуля до цели не долетела, но солнце все равно прогневалось на казака и говорит:

— Теперь я тебя проучу, нетерпеливый и злой казак.

И после этого взяло солнце самую грозную тучу и повесило ее прямо над двором этого казака. И пошел в его дворе дождь, и не видно стало яркого неба и теплого солнца.

Станичники глядят и удивляются: везде солнце и жара, а в одном дворе тень и гроза. Никогда такого не видели.

А казаку в первый день такой ливень понравился. Вышел он на крыльцо и говорит:

— Испугалось солнце меня. Будет знать в следующий раз, как честных казаков шмалить своим жаром.

Но прошел день, другой, третий. Затем неделя, другая, а туча как висела над двором казака, так и висит. И как лил дождь из нее, так и льет.

По всему двору казака глубокие лужи стоят, урожай на корню гибнуть стал. А на сороковой день грозы в доме крыша стала протекать, постройки размыло, и они стали потихоньку рушиться. И все птицы, и животные, которые были у казака в хозяйстве, разбежались от него,

и деревья поломались и повалились, а некоторые погорели от молнии. А затем и дом начал проседать, и стена треснула.

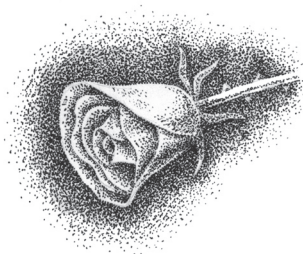
Воды было и во дворе, и в доме высотой в косую сажень. Горевал-горевал казак, да и решил влезть на крышу и просить у солнца прощения. Три дня он сидел на крыше и каялся перед солнцем за то, что так плохо поступил, за свою злобу и нетерпение.

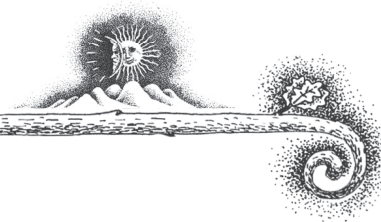
Улыбнулось солнце, жалко ему стало бедного казака. И простило его. Убрало тучу с неба и озарило его двор своим сиянием.

И занялся казак восстановлением своего жилища и хозяйства. И помогали ему в этом деле все станичники.

С тех пор стал он уважительно относиться ко всем явлениям природы и терпеливо переносить все ненастья, зной, дождь и морозы.

И счастье после этого никогда не покидало казака.

Доброе сердце дороже красоты

ил как-то на берегу Тихого Дона добрый казак, и была у него любимая дочка Груня. Некрасива лицом была девушка да и горбата. Еще маленькой упала она с крыльца, ударилась спиной о ступеньку, с тех пор и рос у нее горб на спине.

Зато сердце у Груни было – сто лет ищи по всему Дону, не сыщешь такого! Увидит, как старушка воду с трудом несет, подбежит, подхватит ведра, поможет. Несет старичок вязку дров – шагу лишнего не даст ему ступить. Груня возьмет дрова и сама донесет куда надо. Каждого путника накормит, напоит, спать уложит да еще в дорожную сумку сала, лепешек положит: пригодится, мол, в дороге. За всю свою жизнь никого не обидела Груня. Любили люди девушку за ее сердце доброе. Мать Груни давно померла, и решил отец новую жену в дом взять.

А уж что казак решит, то сделает.

Привел он в дом жену новую, а у нее тоже дочка была, одних лет с Груней. Улитой ее звали.

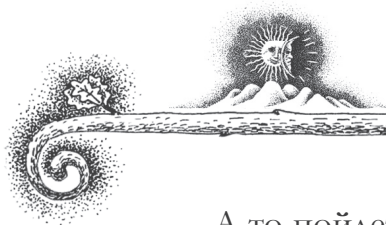
Уж до чего красива была Улита! Длинные косы, как вороново крыло, брови, словно стрелы, лицо белое, румяное, сама стройная, как березка. Ищи такую красоту по всему свету – не найдешь.

Да было одно лихо у девушки: сердце у нее злое было, лютное. Увидит, бывало, что старушка седая идет, на палку опирается, еле ноги передвигает, подойдет к ней Улита – и ну смеяться, насмехаться.

– И чего ты, бабушка, живешь до сих пор, – спрашивает злая девушка. – Чего ты до сих пор свет коптишь? Кому ты нужна, старая?

Посмотрит на нее старушка, остановится, слезу от обиды ладонью смахнет, покачает головой и пойдет дальше.

А Улита уже к древнему старичку бежит, толкнет его, будто невзначай, посмеется над ним.

А то пойдет на реку, поймает маленькую рыбку, бросит ее на горячий песок и смотрит, как бьется рыбка, задыхается, от боли корчится.

Сразу же невзлюбила Груню злая Улита. Уж как только она не издевалась над бедной Груней! То за косу ее дернет, то ущипнет больно, то привяжет полотенцем к своей спине подушку и начнет показывать, как горбатые ходят. Забьется в темный уголок Груня, плачет тихонько, никому не жалуется.

А мачеха увидит Груню в слезах – и ну попрекать.

– Ах ты лентяйка, такая-сякая, только и знаешь, что плакать да рыдать. И чего ты не помрешь, убогая?

Еще сильнее плачет Груня, а все молчит.

В ту пору казаки войну с врагами вели, и случилось так, что ехал на войну казак молодой мимо дома их. Остановил он коня и крикнул:

– Люди добрые, нельзя ли у вас коня напоить да самому с дороги отдохнуть?

Проходила в это время по двору красавица Улита, взглянула на казака – сапоги у него в пыли, лицо бородой обросло, красоты мало в нем, и сказала:

– Негде у нас коней привязывать, проходи, служивый, дальше.

А Груня выскочила из куреня, коня напоила, казаку помыть-ся дала, чистое полотенце принесла, отвела казака в горницу, накормила, на чистую кровать спать уложила, а сама села в головах, сидит – мух отгоняет.

Залюбовалась Груня красотой казака: чуб казачий на белый лоб падает, от длинных ресниц тень на белые щеки ложится, грудь богатырская, как волна, вздымается.

Положила Груня тихонько руку свою на белый лоб молодца, а казак во сне взял Грунину руку и поцеловал крепко. Испугалась Груня, отдернула руку, а на том месте, где поцеловал казак, горит рука, как огнем обожженная.

Поспал-поспал казак, встал поутру, попрощался с Груней, сел на своего быстрого скакуна и умчался.

Опять живет Груня в тоске да в обиде, живет – ни на кого не жалуется, вспоминает часто казака-молодца, вспоминает да горько вздыхает:

– Где мне, уродине несчастной, о добром молодце думать? Собаки и те боятся смотреть на меня.

Вот год проходит, два проходят, прогнали казаки-воины врагов с Тихого Дона, идет обратно войско казачье с песнями, с шутками-

прибаутками, идет — люди радуются, зазывают казаков доброй браги откушать, белого калача отведать.

А к Грунинуму отцу заехал самый главный командир из войска их. Молод он был, красив и очень храбр — о геройстве его уже на Дону песни пели. Пошел он на войну простым казаком, а стал командиром главным.

Мачеха Грунина свою дочку Улиту наряжает, косы ей заплетает, на руки билезики — красивые браслеты — надевает. Еще краше становится Улита. Взглянешь на нее — глаз не отведешь.

А Груня полы моет, на стол кушанья подает, брагу ставит.

Вот сели все за стол, взял командир казачий кубок, крепкой бражкой наполненный, поднял его и повел такую речь:

— Шел я когда на войну с врагами, притомился с дороги да и зашел в курень казацкий отдохнуть. Лег я спать, и приснился мне сон такой: пришла в горницу девица, села возле меня и сидит, смотрит на меня, сон мой сторожит. Добрая эта девица была, а какая она лицом — не ведаю. Крепко спал я тогда и запомнил. Встал я поутру, оседлал коня и уехал. Еду и диву дивуюсь. «Никогда во мне силы молодецкой такой не было!» Встретил бы горы тогда — горы свернул. Откуда, думаю, сила эта богатырская во мне? Повстречалась мне тогда старушка древняя, остановила меня и молвила: «Едешь ты, казак, Тихий Дон от врагов защищать, и быть тебе большим воином. Никто тебя не одолеет, никто не осилит. А сила в тебе — от сердца девицы перешла, от доброты ее. Запомнил ты, добрый молодец, как поцеловал ты руку девицы той. А быть тебе добрым мужем девицы той. И найдешь ты ее так: на правой руке у нее будет отметинка, и не исчезнет она у нее до тех пор, пока ты не найдешь свою суженую. Лучшей невесты не ищи, ласковое сердце — дороже красоты». Сказала так старушка, поклонилась и пошла. С тех пор и ищу я свою суженую, нет мне в сердце покоя. Найду ее — в ноги поклонюсь ей за то, что силу она мне такую дала, и будет она мне женою верною.

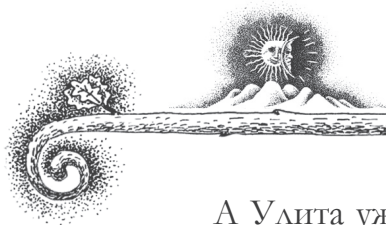
Пока говорил так казак, встала Груня, вышла на крыльцо, села, сидит, думу думает. Узнала она того казака, который ей руку целовал, а признаться не может ему: куда ей такой добру молодцу сказываться!

Сидит она, пригорюнившись, сидит, вдруг слышит: Улита зовет ее. Подошла к ней Груня, а Улита спрашивает:

— А чего это у тебя, сестрица, правая рука всегда перевязана?

Смутилась Груня, покраснела и отвечает:

— Рубила я дрова да топором и ударила. Никак вот не заживает рука.

А Улита уже догадалась обо всем, злые глаза так и бегают, сердце щемит от зависти.

— А чего ты встала из-за стола, сестрица? — спрашивает она Груню.

— Пить мне захотелось, Улита.

— А иди сюда, я тебе дам водицы, сестрица, — говорит Улита.

Подошла Груня к ней, взяла чашку с водой, выпила и упала замертво: подсыпала ей Улита яду крепкого, смертного.

Схватила ее Улита, оттащила в чулан, бросила, а сама сделала себе на правой руке такую же отметинку, какая у Груни была, обмотала тряпкой и пошла опять в горницу.

Увидал ее обмотанную руку молодой казак, спрашивает:

— А что это у тебя, девица? Аль поранила где, аль ушиблась?

Подошла Улита к нему и говорит:

— Я та самая девица, которой ты руку поцеловал. Вот и отметинка на руке, не заживает с тех пор. Забыл ты, добрый молодец, как сидела я около тебя, сон твой сторожила.

Обрадовался казак, велел войско свое собрать, свадьбу готовить.

Собрались на свадьбу воины, все люди служивые, пришли старики, старухи и дети малые. Начался тут пир горой.

День гуляют казаки, два гуляют, а на третий день входит в горницу старушка древняя, волосы, как нитки серебряные — седая вся. Вошла, посохом о пол стукнула и так молвила:

— Шла я, старая, через леса и горы, через луга и пашни и пришла вовремя: не кончилась еще свадьба, не свершилось еще дело злое.

Взяла она командира казачьего за руку, привела в чулан, а там лежит Груня, лицо у нее посинело, страшное стало.

Брызнула старушка на Груню живой водой, открыла глаза девушка, а в глазах столько доброты, будто от самого сердца идет.

Узнал тут казак девушку, обнял ее и сказал:

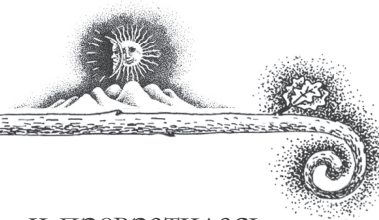
— Доброе сердце дороже красоты. Будешь ты женой моей верной, девица, буду я любить и жалеть тебя до самой смерти.

Пришли они в горницу, поклонились старому казаку, отцу Груниному, сели за стол, крепкой бражки выпили.

А старушка подошла к Улите и сказала:

— Нельзя с таким сердцем с людьми жить, злая девица. Будешь ты отныне ползать по дну Тихого Дона, и не знать тебе ни добра, ни ласки человеческой. А за то, что смеялась ты над горем людским — будешь ты всегда горб на себе носить.

Сказала так старушка, ударила ее посохом своим – и превратилась злая Улита в маленькую улитку-горбатку.

А потом обернулась старушка к Груне, дотронулась до нее своей рукой и сказала.

– А ты, девица, доброе сердце, будь такой же красивой, как и доброй.

И стала Груня такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

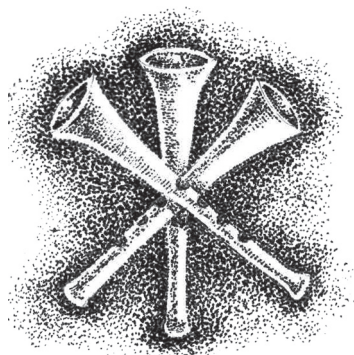
Обнялись они с молодым казаком, поклонились старушке, чарку бражки крепкой ей поднесли, спасибо сказали.

И стали они с той поры жить-поживать, детей растить, да старых людей уважать.

А улитка-горбатка так и ползает с тех пор по дну Тихого Дона да в озерах синих, в реках прозрачных ползает и не знает ни добра, ни ласки человеческой.

Как казак женился

ил да был, ел да пил в одной из станиц Кубанской области казак по имени Мыкола. И была у того казака любимая девушка – Марья.

Любили они друг друга очень сильно, но встречались тайно, так как отец Марьи не имел желания видеть Мыколу со своей дочерью. И вообще он считал, что Марье еще рано встречаться с женихами.

Но все вокруг знали о любви молодых и видели, как они страдают. Но отец девушки и слушать ничего не хотел об этом.

Горевал-горевал Мыкола и решил все-таки рискнуть и идти говорить с отцом Марьи и просить у него руки и сердца дочери. Взял он с собою товарищей и отправился к дому Марьи. На пороге встретил казаков хозяин.

– Здорово, хлопцы! – сказал он. – С чем пожаловали?

– Здравствуй, батько, – отвечает Мыкола. – Пришел я просить у тебя руки твоей дочери Марьи.

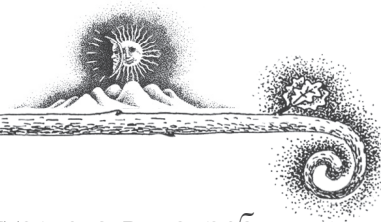
Старый казак почесал затылок, прищурил глаз и хитро так говорит:

– Если после ночи снова случится ночь, то можешь приходить за моей дочерью, и не будет тебе отказа.

Вернулся Мыкола домой, расстроился, сидит, чуть не плачет. И просидел он так всю ночь.

А утром выходит на крыльцо, глядит, а через все небо радуга светится и начинается она прямо в его дворе.

Мыкола недолго думая взял мешок и полез по радуге на небо. Долез до солнца и сунул его в мешок, а пока радуга исчезала, он скатился с нее к себе в огород. И темно стало, и птицы перестали петь, и наступила за ночью ночь.

А Мыкола завязал потуже мешок с солнцем, спрятал его в погреб, дверь на семь замков запер, пошел и улегся спать.

Проснулся, смотрит, а солнце отпускать пора. Открыл он погреб, достал мешок, выпустил красно солнышко на волю, и оно потихоньку стало подниматься к небу. И наступило утро.

Вот так и случилось на земле две ночи подряд. И в этот же день получил Мыкола разрешение на руку и сердце Марьи от ее отца, потому что тот уже не мог отказать, так как был он человек слова.

А через три дня гуляли они такую свадьбу, какой станичники не видели век до этого и век после этого.

Как казак с хищниками справился

или-были в одном лесу на берегу Кубани две стаи хищных зверей. И хищники эти сильно враждовали между собой.

Весь лес был поделен на отдельные территории, которые принадлежали той или иной стае. Если чужак охотился не на своем участке, то его могли запросто загрызть хозяева.

А неподалеку от леса стояла казачья станица. Вот собрались вожаки хищных стай на свой совет, поделили между собой и эту станицу. И стали станичники замечать, что во дворах и в стадах скот начал исчезать.

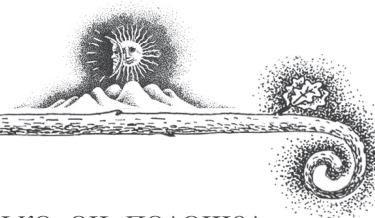
Хищники выходили и днем, и ночью и охотились на домашних животных. А у одного казака они съели корову, свиней и насмерть загрызли пса.

Казаку это очень не понравилось. Погоревал он и решил идти в лес. Собрал себе еду, взял пороху да пуль, повесил за спину ружье, за пояс заткнул нож и отправился в путь.

А служил он в Кубанском казачьем войске пластуном. Пластун — это тот, кто умеет неслышно пробираться в трескучем камыше, плавать как рыба, по деревьям лазать как белка, по степи ползать как мышь, запутывать свой след и прочее, прочее...

Вот пробрался казак через пшеничное поле, незамеченным вошел в лес и не выходил оттуда семь дней. Он потихоньку выслеживал хищников и наблюдал за ними. И выведал все об их охоте и территориях.

Одному пластуно очень трудно справиться с двумя сильными стаями зверей, и решил он пойти на хитрость. Залез он на дерево, прямо на границе разных территорий, спрятался в ветвях и стал ждать.

Смотрит, на левом участке зверь появился. Только он подошел ближе к дереву, казак набросился на него, словно пантера, и вспорол ему ножом брюхо. Затем залез на другое дерево и сидит, наблюдает.

Через какое-то время подошли еще несколько хищников из этой же стаи, увидели мертвого сородича и стали все вокруг обнюхивать да осматривать. Но так ничего и не обнаружили.

Казак сидит на ветках, глядит сквозь листья, а на левом участке снова зверь один появился. Набросился пластун на хищника и зарезал его. А немного погодя убил пластун зверя и из другой стаи и снова остался незамеченным.

И те, и другие хищники решили, что их сородичей убивают звери из чужой стаи. И началась у них большая грызня. И дрались они три дня и три ночи, и почти все сдохли, а многие были при смерти. И остался из них один, самый сильный зверь.

Тогда слез казак с дерева, вскинул ружье и метким выстрелом уничтожил и последнего.

Вернулся он в станицу, а там его встречают цветами да накрытыми столами. И гуляли станичники да веселились, пока горилка не кончилась. А когда закончилась, тогда еще принесли и еще три дня гуляли.

И я на том гулянии был, ел, пил, да все позабыл. А когда вспомнил, все вам рассказал. Может что напутал, а может, и нет.

Тут и сказке конец.

Мышь и воробей

ила мышь в степи, а близко был лес. Звали мышь Мышка-Тишка. Вот Мышка-Тишка жила год, другой и третий. И днем, и ночью все три года Мышка-Тишка бегала по полю, а никак не могла запастись хлебом на зиму. Три года засуха была. Посеют казаки хлеб, а он не родится.

Летом, когда хлебу созреть пора, Мышка-Тишка с утра до вечера трудится — колоски собирает, а зима приходит — есть нечего.

Три зимы Мышка-Тишка голодала. Прошла третья зима, она думать стала: «Надо весной хлеб посеять!» Надумала и ждет, когда снег совсем сойдет со степи и земля подсохнет.

Сошел снег, тут-то Мышка-Тишка призадумалась: «Вспаху я землю, а сеять нечем. Пока зерна доставать буду, время сеять пройдет. Где зерна взять?»

Думала она так да и вспомнила: «Погутарю я с Воробьем. Может, вдвоем и посею. Живет он один, хлеб ему тоже нужен!».

По соседству Воробей жил. Гнездо у него было в дупле сосны. Сосна на отшибе леса стояла. Он тоже три года мучился. Придет весна — живет Воробей: мошек, жучков, червячков много. До самой осени сыт, а зима наступает — есть нечего, урожая нема! Зимой-то он в станицу часто летал. Да в станице своих воробьев много, им тоже нечего есть. Прилетит он, а станичные воробьи прогоняют его, а раз даже побили.

Прошла третья зима, Воробей думает себе: «Живет тут рядом полевая мышка, погутарю я с ней, может, пшеничку вдвоем-то посею... Полечу-ка я до ней».

Надумал Воробей и полетел в степь. Летит он невысоко и видит: Мышка на бугорочке сидит. Вышла она из хатки своей и смотрит кругом.

Завидела Воробья, встала на задние ноги, а передние к небу подняла и кричит:

— Суседушка, сядь ко мне рядом да погутарим с тобой.

Сел Воробей на бугорок к Мышке, поздоровкался.

— Здравствуй, Мышка-Тишка.

— Здравствуй, Воробей.

Воробей ее спрашивает.

— Как живешь, суседушка?

— Плохо, сосед, живу. Урожаю нема, доходов никаких, жить нечем, детишки малые. Уж я не знаю, куда голову приклонить. Детки исть просят, а хлеба нема, взять негде, от станицы далеко живу, а казаки в поле сусеки не строят. Тебе-то хорошо, взял да и полетел в станицу, поклевал да и домой.

Воробей послушал Мышку, покачал головой и гутарит ей:

— Ой, Мышка-Тишка, кабы хорошо было... В станице воробьих тьма-тьмуца, им самим нечего исть. Прилетел я зимой, они прогнали меня да еще и побили. Не придумаю, суседушка, как жить буду.

Мышка ему гутарит:

— Давай, Воробей, хлеб сеять.

— Давай, — согласился Воробей.

— Я пахать землю стану, а ты сеять будешь.

Договорились они. Мышка-Тишка сказала ему:

— Завтра казаки будут сеять, и мы начнем. Я буду землю пахать, а ты — к казакам за зерном. Украдешь зерно, прилетишь, посеешь — и обратно за зерном.

Наутро рано поднялись Воробей с Мышкой. Мышка-Тишка пашет, а Воробей знай летает до казаков да на свое поле зерно носит. Неделью они так-то сеяли с Мышкой. Посеяли они и мечтают: уродится хлеб и будут они зимовать с блинами, пирогами, в гости будут ходить друг до дружки.

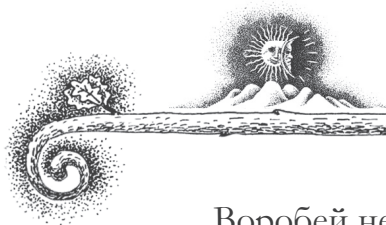
Посеяли и караулить свое поле стали. Мышка ночью караулила. Ходит по земле и все доглядывает. Воробей днем летает над полем. Всех жучков, мошек, червячков поклевал.

Пшеничка возшла, потом колос завязался, цвель начала, налилась, созрела. Время убирать хлеб. Ну, покосили хлеб, помолотили, провеяли и ссыпали в одну большую кучу все зерна. Вот Мышка-Тишка гутарит:

— Давай, Воробей, делить хлеб.

— Давай. А как мы делить будем? — спросил Воробей Мышку.

— Да так вот и делить будем. У меня четыре ноги, Воробей, а у тебя две. Мне четыре меры, а тебе две. Вот и поделим по-божески.

Воробей не согласился.

– Нет, Мышка-Тишка, это не по-божески. По-божески, когда мы поровну разделим.

– Поровну делить нельзя, – гутарит Мышка.

Воробей стал убеждением действовать на Мышку.

– Ты работала, и я работал, с поля вместе уходили – значит, и делить поровну.

Мышка-Тишка подумала и сказала:

– Нет, так делить нельзя. Надо поделить, как я гутарю. У меня четыре ноги работали, а у тебя – только две. Мне четыре меры, тебе – две.

Воробей разобиделся и кричать стал:

– Ног-то у меня две, а крылья? Они тоже работали. Два крыла, две ноги – будет четыре! Поровну дели, по-божески!

Мышка ему отвечает:

– Да ведь, Воробушек, крылья при работе не нужны. Они ничего не делают. А вот ноги – это другое дело. Не будь у меня четырех ног, я не вспахала бы землю. Лошади тоже о четырех ногах. Вот так и будем делить, как я гутарю.

Долго они спорили, а потом поругались. Мышка назвала Воробья вором, Воробей Мышь обругал. Подрались они. Три дня дрались, так и не поделили свой хлеб.

На четвертый день Мышка-Тишка пришла со своими детьми и стала носить зерно в свою хату. Воробей тоже стал носить зерно к себе в дупло. Мышка полные сусеки насыпала хлебом, а Воробью мало досталось. Рассердился он и полетел до Орла заявлять на Мышь. Прилетел он до Орла и гутарит:

– Сеяли мы с Мышкой хлеб. Убрали с поля пшеницу, помолотили, а Мышка стала делить не по-божески: себе – четыре меры, мне – две, а потом меня обозвала вором и все зерно себе в сусеки ссыпала.

Орел принял заявление.

Мышка побегла до Медведя с жалобой на Воробья.

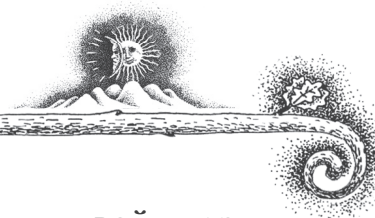
Прибегла и гутарит:

– Накажи Воробья, Медведь-батюшка! Хлеб мы с Воробьем сеяли. Я пахала, он сеял. Вырос хлеб – стали делить. Я ему две меры дала, а себе – четыре: у меня четыре ноги работали, а у него две. Не хотел он так поделить. Дрался со мною.

Медведь принял жалобу.

Прилетел Орел до Медведя. Гутарили они, гутарили. Орел свои

права, а Медведь свои права защищает. Поругались они и войну друг дружке объявили.

Прошло сколько-то времени. Собрали войска Орел и Медведь и стали драться. Долго они дрались. День дерутся, другой, третий. Звери побеждать стали войска Орла. Неделю дрались, всех птиц поубивали. Осталось несколько в живых. Живыми остались Орел и Воробей. Не утерпели они войны и улетели. Орел до себя улетел, а Воробей до себя.

Медведь видит, что Орел с Воробьем улетели, собрал зверей и гутарит:

– Вот, звери, правда победила! Теперь Мышка должна пир созвать на весь мир.

Мышка на радостях стала звать к себе на пир.

Прибегла домой Мышка-Тишка, стала пшеничку молоть. Мелет, а сама думает: «Напеку пирогов, блинов, слоеных лепешек – катламок, угощу Медведя-батюшку да зверей».

Думает она, а тут гром ударил. Тучи всю степь накрыли. Пошел дождь. Три дня дождик лил. Затопил степь, и хатку Мышки-Тишки залило. Мышка-то и потопла.

А Воробей поправился. Стал он жить-поживать и добра наживать. Я к нему в гости ходила. Напек он блинов, катламок, меня угощал.

